

А. В. Шентякова

ПРОНИЦАЕМОСТЬ КАНАЛОВ РЕКРУТИРОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЭЛИТУ

Статья посвящена проблеме анализа процессов рекрутирования в элиту. Подчеркивается важность изучения горизонтальной мобильности и проницаемости каналов рекрутирования. Изучается степень гомогенности элиты с помощью анализа каналов горизонтальной мобильности на примере депутатов Государственной Думы в период с 2003 по 2011 г.

В статье приводятся результаты пилотажного исследования, проведенного с использованием биографического метода. В данном исследовании анализируются карьерные переходы депутатов, которые потеряли статус членов парламента. Сделан вывод о высокой степени проницаемости каналов рекрутирования между политической элитой, бизнесом и административной системой. Предварительные результаты анализа позволили предположить формирование смешанной модели переходов, которая характерна для российской современной элиты. Библиогр. 25 назв.

Ключевые слова: политическая элита, биографический метод, каналы рекрутирования, горизонтальная мобильность.

A. V. Shentyakova

PERMEABILITY OF RECRUITMENT CHANNELS INTO THE POLITICAL ELITE

The article is devoted to analysis of the processes of recruitment into the elite. It emphasizes the importance of studying horizontal mobility and permeability of recruitment channels. We investigate the degree of homogeneity of the elite by analyzing channels of horizontal mobility on the example of the State Duma during the period from 2003 to 2011.

The article presents the results of the pilot study conducted using the biographical method. This study examines the career transitions of MPs who lost their status of members of parliament. It is concluded that a high degree of permeability recruitment channels between the political elite, business and administrative system. Preliminary results of the analysis suggested the formation of a mixed model of transitions, which is characteristic of modern Russian elite. Refs 25.

Keywords: political elite, biographical method, recruitment channels, horizontal mobility.

Анализ процессов формирования политической элиты как группы, выполняющей функцию принятия политических решений, остается приоритетным в политологических исследованиях. В условиях реформ кадровый дефицит во властной элите может быть восполнен как за счет привлечения новых людей через каналы рекрутирования, так и с помощью горизонтальной мобильности людей, имеющих опыт работы в других сферах. Как отмечает отечественный исследователь Г. К. Ашин, в стабильных политических системах рекрутирование элиты осуществляется в соответствии с тщательно разработанным набором процедур, в результате чего происходит обновление, но сама политическая структура остается в значительной степени неизменной. В процессе рекрутирования элиты важнейшими характеристиками выступают бассейн рекрутирования (широта его социальной базы), круг лиц, осуществляющих отбор (селекторат), процедура, механизм этого отбора. Важной сущностной характеристикой рекрутирования автор отмечает то,

Шентякова Анна Владимировна — ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; anna_pedagog@mail.ru

Shentyakova Anna V. — Assistant, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; anna_pedagog@mail.ru

что данный процесс обеспечивает преемственность элиты, а также дальнейший отбор и назначения на элитные позиции. В период трансформации политической системы старые механизмы подбора кадров разрушаются или не функционируют, возникает много вакансий, которые заполняются с нарушением обычных рутинных норм и правил [1].

Необходимо, однако, отметить, что рекрутирование определяется не только формальными нормами и правилами политической системы, но также и неформальными практиками по отбору и продвижению, что влияет на качество властной элиты. Изучение данного аспекта формирования и функционирования элит в последние десятилетия осуществлялось в рамках неинституционального подхода. «Специфика “нового институционализма” (по сравнению со “старым”) состоит в том, что политические институты понимаются с точки зрения взаимосвязи формальных норм и неформальных правил игры, образующих в итоге сложные организационные отношения, формы взаимодействий и саму кооперативную деятельность людей, поддерживающих стабильность и воспроизводящих порядок в обществе» [2].

В рамках институционального и неинституционального подходов элиты рассматривались, с одной стороны, как институт, а с другой — как субъект. В рамках классического институционализма понятие «институт» включает в себя распространенный стиль мышления, образ действий, который укоренился и стал привычным, фиксацию устоявшихся процедур. «Формальные институты имеют универсальный характер и включают в себя правовые нормы, регулирующие формирование и функционирование политической элиты» [3, с. 90]. В этом смысле элиты понимались как институты, так как постоянная деятельность, осуществляемая в соответствии с определенным устоявшимся набором правил, предполагает группу лиц, которая ее воспроизводит и фиксирует: «По сути, эта группа ответственна за поддержание базовых для данного общества институциональных порядков. Другими словами, она выполняет институционализирующие и деинституционализирующие (когда необходимы институциональные реформы) в обществе функции. В институциональной перспективе, таким образом, она может быть рассмотрена как специфический институт» [4, с. 126].

Вместе с тем в рамках данного подхода элиты выделялись как субъект, который задает направление и рамки изменений других институтов, обладает властными позициями в обществе и контролирует необходимые ресурсы. Процесс институционализации отечественных элитных групп большинство специалистов связывает с возможностью сохранять свои позиции во властных структурах и способностью воспроизводить себя при наличии собственной базы рекрутирования. «Можно сформулировать некие общие минимальные критерии завершившейся институционализации элит. Прежде всего это устойчивость во власти и возможность эффективно ее использовать (выполнять интегративные функции, распределять ресурсы и т. п.). Немаловажным является воспроизводство себя как властной группы. С этим связано наличие своего, для данной группы характерного бассейна рекрутирования и создание кадрового резерва в административных структурах. Наличие собственной социальной базы» [4, с. 127]. Таким образом, исследование процессов рекрутирования в условиях трансформации политической системы позволяет проанализировать соотношение формальных и неформальных институтов.

Качество элиты во многом зависит от принципов ее воспроизводства. В. Парето подчеркивал, что «развитие общества в основном определяется качествами правящей элиты, наличием социальной циркуляции в ней и между ней и остальной частью общества» [5, с. 26]. Важной сущностной характеристикой рекрутирования выступает то, что данный процесс обеспечивает преемственность элиты, а также дальнейший отбор и назначения на элитные позиции. Процесс рекрутирования предполагает такие категории, как каналы рекрутирования, механизмы рекрутирования, степень проницаемости элиты, вертикальную и горизонтальную мобильность между различными секторами элиты.

Под каналами рекрутирования понимаются пути продвижения по вертикальной траектории. Основными каналами считаются армия, образование, органы исполнительной власти, крупные финансовые и промышленные компании, общественные организации, политические партии, СМИ. В различные исторические периоды тип политической системы обуславливал доминирование тех или других каналов пополнения властных групп. Бюрократический аппарат традиционно считается одним из наиболее влиятельных каналов попадания в верхние слои власти.

Под механизмами рекрутирования понимаются принципы выдвижения новичков, при этом они различаются в зависимости от исторического контекста и условий политического строя. В качестве таких механизмов могут выступать: кровное родство, наследование, личная преданность, владение собственностью, партийная принадлежность, стаж работы, патронаж. Большинство исследователей отмечают, что преобладание определенных механизмов не зависит от типа политической системы общества или типа рекрутирования [6, с. 397–398]. Исследователи процессов воспроизводства элит выделяют несколько основных направлений: 1) вертикальную мобильность, 2) горизонтальную мобильность (ротацию) и 3) циркуляцию элит (замену представителей элиты из других социальных групп) [7].

При изучении горизонтальной мобильности значимым показателем является проницаемость каналов рекрутирования. Понятие *проницаемости каналов рекрутирования* характеризует возможность горизонтального передвижения членов политической элиты в системе разнообразных каналов рекрутирования. При этом важный аспект — особенности перехода между элитными группами, находящимися в разных секторах политической, экономической, административной, военной, научной, культурной и т. д. сфер общества. Анализ каналов и механизмов рекрутирования позволяет последовательно изучать процессы институализации властных групп в условиях политической трансформации и изменения большинства институциональных процедур и практик.

Чаще всего в исследовательской литературе выделяют две модели переходов. Высокая степень горизонтальной проницаемости каналов элитного рекрутирования характерна для американской политической практики, в рамках которой эта модель получила название «двери-вертушки», вращающейся в обе стороны между сферами бизнеса и политики. «Принцип вращающихся дверей» понимается в достаточно узкой трактовке как переход высших членов властной элиты в бизнес-структуры и обратно с фактическим сохранением общего элитного статуса в социуме. При подобной модели можно говорить об относительном равновесии и симметричности статусных позиций в политике и бизнесе. Сами каналы перехода работают в двухстороннем режиме, и переход не сопряжен с необратимыми

(или труднообратимыми) изменениями карьерной траектории, при этом конкретные персоналии могут ими пользоваться неоднократно в течение жизни» [8].

Вторая модель наиболее характерна во Франции, где «дверь-вертушка» вращается преимущественно в одном направлении: уйти в бизнес из органов государственной службы можно, но занять высокое положение в органах государственной власти, не имея опыта государственного управления, затруднительно. «Чаще всего она представляет собой однонаправленный канал ухода из административно-политических структур в бизнес (из политических элит в бизнес-элиты), характеризуется ярко выраженной асимметрией позиций, чаще всего носит необратимый либо труднообратимый характер и сочетается со значимыми изменениями в личной карьерной траектории. Обратный процесс во многом затруднен и опосредован, основным каналом коммуникации выступает административная бюрократия» [8]. Таким образом, анализ процессов рекрутирования включает два аспекта: вертикальную мобильность и интенсивность горизонтальных перемещений между элитными группами.

Ряд европейских исследователей, например, М. Хартман, изучая элиты стран Евросоюза, выделил три типа элит. Критериями выступали институциональная и социальная формы рекрутирования, а также степень мобильности между секторами элиты [9].

Первая модель — французская, которая характеризуется: 1) концентрированностью рекрутирования на основе получения образования в определенных учебных заведениях и 2) высокой степенью интенсивности переходов между элитными сегментами.

Вторая модель — британская — характеризуется достаточно гомогенным социальным и институциональным рекрутированием, но при этом отличается низким уровнем межэлитных переходов.

Третья модель — германская (характерна для большинства европейских стран) — отличается высоким уровнем дифференциации в социальной и институциональной базе рекрутирования, при низкой степени межэлитной мобильности.

Изменения в сторону большей проницаемости каналов рекрутирования происходят в современном российском обществе. Можно привести немало примеров вхождения представителей большого бизнеса в структуры федеральной и региональной политической власти и, наоборот, продолжения карьеры в структурах большого бизнеса чиновниками, ушедшими в отставку [10]. Изучение степени проницаемости позволяет оценить характер межэлитного взаимодействия. Оценка характера взаимоотношений между элитами — одно из значимых направлений при изучении межэлитных взаимодействий, так как необходимо оценивать не только формат отношений, который складывается между элитными группами, но и характер этих отношений. Степень конфликтности элиты находится в зависимости от уровня разобщенности или сплоченности членов элиты. Проблема консолидации или фрагментации элит является одной из ключевых в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей элит.

Немецкий политолог Т. Байхельт определяет демократическую консолидацию как «процесс, в ходе которого значимые акторы политической системы (элиты и правящие группы) привыкают к разрешению конфликтов только в пределах нормированных демократических институтов» [11, с. 127]. В соответствии с теорией

демократического транзита отечественный исследователь В. Я. Гельман выделяет две модели межэлитных отношений, которые актуальны для России в период трансформации: 1) долгосрочную, которая формируется длительное время и основывается на согласии элит («конвергенция элит») и 2) краткосрочную, которая возникает после острого конфликта и основывается на компромиссных соглашениях по основным спорным моментам («сообщество элит»). Модель «сообщества элит», по мнению исследователя, наиболее близка к модели «пакта» элит, которая рассматривается как наиболее оптимальная при трансформационных процессах [12].

Западный исследователь Дж. Хигли, в соавторстве с чешским коллегой Я. Пакульским, рассматривает трансформацию элит в двух плоскостях: в зависимости от степени сплоченности и степени дифференциации элиты [13].

Под сплоченностью элиты они понимают наличие единых ценностей, разделяемых большинством представителей элиты данной страны. При этом сплоченность может основываться на некоей идеологической, религиозной или национальной доктрине либо на принятии представителями элиты единых согласованных правил игры, в рамках которых возможно ненасильственное разрешение конфликтов между различными элитными группами. Единство элит проявляется в степени ее интегрированности. Под дифференциацией понимается степень независимости (автономности) элиты от других, более массовых социальных групп, а также степень неоднородности самой элиты, наличие в ее составе элитных подгрупп, предлагающих обществу различные ценностные ориентиры и конкурирующих между собой в процессе выработки политических решений. Дифференциация проявляется также в функциональном разделении сегментов элиты, каждый из которых имеет собственные границы, организации, формальные и неформальные правила поведения и властную иерархию. Консенсусная элита характеризуется согласием внутриэлитных групп по поводу основных ценностей, правил и процедур осуществления власти. Идеократическая — основывается на единой идеологии, которая разделяется всеми представителями элиты. Фрагментированная элита отличается низкой степенью внутриэлитной интеграции и разобщенным характером отношений. Разъединенной элите свойственна острая борьба между элитными группами за властные ресурсы и рычаги влияния. Предложенная модель включает в себя, с одной стороны, уровень структурной интеграции, т.е. вовлеченность формальных и неформальных сетей коммуникаций между элитными персонами, группами и фракциями, с другой стороны, отражает степень согласия между элитами по поводу легитимности существующих политических институтов, а также формальных и неформальных правил поведения.

При анализе работ, посвященных проблеме межэлитных взаимодействий, основной акцент делается на уровне гомогенности / гетерогенности состава властной элиты для понимания расстановки сил внутри правящего слоя. Необходимо отметить, что данный аспект важен для характеристики межэлитных отношений, так как позволяет оценить перспективы и векторы развития как отдельных институтов, так и общества в целом.

По мнению американских исследователей Дж. Хигли и Л. Филда, «наличие консенсусной единой элиты необходимо для институциональной стабильности» [цит. по: 14, с. 111]. В качестве одного из наиболее важных аспектов консолидации элит выделяют ценностный консенсус. «Консенсусно объединенная элита хороша тем,

что нормы и правила, разделяемые такими элитами, встраиваются в политические институты и политическую культуру. Это делает взаимодействие элит саморегулируемым» [15, с. 58]. Важным компонентом анализа выступает взаимосвязь между типом элиты, ее структурой и социально-экономической структурой общества: «Основным агентом, доминирующим в обществе, рассматривались элиты, под которыми понимались персоны, занимающие стратегические позиции в публичных и частных бюрократических организациях. Границы их поведения и установок определялись состоянием социальной организации, сознания и ориентации не элит. Последние же были производными от уровня экономического развития общества... По мысли авторов, взаимодействие выбора элитами определенной политики и неэлитных предпочтений существенно влияет на определенные политические результаты во всех обществах» [цит. по: 16, с. 142].

Отечественный и зарубежный опыт изучения властных групп демонстрирует ряд сложностей для эмпирического анализа. Элитные группы характеризуются как закрытые и труднодоступные для изучения, что существенно ограничивает возможности применения количественных методов. Чаще всего для изучения закрытых групп используются качественные методы, такие как метод глубинных не стандартизованных интервью, наблюдение, анализ биографических данных. «В настоящее время в России исследователи практически не имеют прямого доступа к представителям элитных групп, которые были и остаются весьма закрытыми, имеющими ограниченные ресурсы времени. Специфика элит... (и другие ее особенности. — А.Ш.) обуславливают их нежелание, а иногда резкий отказ работать в стилистике закрытых вопросов, тогда как возможность совместного исследования в режиме заинтересованного диалога раскрывает новые возможности» [17, с. 33]. Опыт использования этого метода при изучении элит достаточно обширен. Анализ биографий чаще всего используют для изучения социальных меньшинств тех групп, которые довольно трудно поддаются пространственной и временной локализации (и, следовательно, менее доступны для масштабных выборочных обследований) [18].

Биографический метод включает способы измерения и оценки историй жизни, рассказанных или сообщенных свидетелях о жизни с точки зрения самих индивидов. В рамках биографического исследования часто используют и другие виды данных: данные опросов, протоколы наблюдений, гражданские акты, семейно-исторические документы и т. д. В этом случае исследователь конструирует биографию из множества источников. Изучение жизненного пути проходит по схеме как последовательность событий в определенные периоды времени. Биография считается результатом субъективных решений, но эти решения, в определенной степени, зависят от социально-структурных условий, возрастных когорт и исторических событий. Отечественный опыт применения анализа биографий при изучении элитных групп внес значительный вклад в развитие политической науки. В результате анализа биографий глав регионов, проведенного группой Н. С. Слепцова, И. В. Куколева, Т. М. Рысковой, было выделено восемь типов социальных карьер руководителей. Группа других отечественных исследователей анализирует карьерные лестницы представителей политической и административной элиты 1990-х годов. А. А. Паутов, Т. П. Вернигорова на основании изучения биографий представителей высшего административно-управленческого персонала и представителей

политической элиты выделяют три идеально-типические модели элитной карьеры [20]. Под руководством Е. Б. Шестопаля для конструирования политико-психологического портрета представителя элиты было проведено политико-биографическое исследование состава политической элиты России. На основе анализа биографий исследователи выделили восемь типов лидеров: «бизнесмен», «промышленник», «чиновник», «силовик», «публичная персона», «бывший партиец», «профессионал» «общественный деятель». Основу типологии формируют социально-биографические данные и этапы карьерного пути [20, с. 201]. Анализ инновационного потенциала региональных элит, проведенный группой петербургских исследователей под руководством А. В. Дуки, содержит результаты анализа биографий представителей политической, экономической и административной элиты Северо-Западного Федерального округа [21].

Необходимо отметить, что большинство и отечественных, и зарубежных исследователей в качестве критериев измерения внутриэлитной интеграции выделяют социальную и профессиональную гомогенность. Таким образом, общность характеристик социального происхождения, профессионального опыта, бассейна и каналов рекрутирования элиты выступают как значимые предпосылки для консенсуса элитных групп. Такой подход позволяет соединить изучение характера взаимодействия элиты и анализ процессов рекрутирования. В других публикациях подробно анализируются каналы рекрутирования в федеральную элиту, степень гомогенности элитных групп и возможности их консолидации [22–25]. Целью данного исследования было проанализировать степень межэлитной мобильности, которая способствует ценностному консенсусу внутри элиты. В качестве метода сбора информации использовался биографический метод. В качестве метода определения политического сегмента элиты был выбран позиционный метод. Ниже будут представлены результаты пилотажного исследования. Объем выборочной совокупности — 99 представителей элиты, которые являлись депутатами Государственной Думы в последние 12 лет. Из списка депутатов выбирались только те, кто не был переизбран в следующий состав парламента. Для исследования были выбраны два параметра:

1. Род деятельности до избрания в Государственную Думу (три последних созыва).
2. Род деятельности не переизбравшихся депутатов после окончания срока легислатуры.

В табл. 1, на основании анализа биографических данных, представлены позиции депутатов Государственной Думы до избрания.

Таблица 1. Род деятельности депутатов до избрания (по 33 депутата от каждого созыва)

Род деятельности до избрания	2003 г.	2007 г.	2011 г.
Бизнес- структуры	25%	31%	35%
Руководящие должности в органах исполнительной власти	36%	41%	45%
Руководители общественных организаций, СМИ, партий	10%	10%	5%
Образование, здравоохранение	12%	6%	10%
Армия, силовые ведомства	17%	12%	5%

Данные таблицы показывают, что основными каналами рекрутирования для выборочной совокупности являются бизнес-структуры и органы исполнительной власти. При этом в каждом следующем созыве постепенно возрастает представительство бизнес-групп с 25% в 2003 г. до 35% в 2011 г. Из органов исполнительной власти в 2003 г. были рекрутированы 36% депутатов, а к 2011 г. их количество увеличивается до 45%. Данные таблицы также демонстрируют последовательное снижение доли депутатов из общественных организаций, СМИ, системы здравоохранения и образования.

Теперь проанализируем позиции этих депутатов после окончания их срока легислатуры (табл. 2).

Таблица 2. Род деятельности депутатов после избрания (по 33 депутата от каждого созыва)

Род деятельности после избрания	2003 г.	2007 г.	2011 г.
Бизнес- структуры	44%	44%	50%
Руководящие должности в органах исполнительной власти	23%	36%	45%
Руководители общественных организаций, СМИ, партий	10%	5%	0
Образование, здравоохранение	5%	5%	0
Армия, силовые ведомства	17%	10%	5%

Анализ простого распределения признака позволяет сделать вывод, что основными каналами нисходящей мобильности элиты из выборочной совокупности также служат бизнес-структуры и органы исполнительной власти. При этом в бизнес-сферу от созыва к созыву стабильно переходит около половины «непереизбравшихся» депутатов. В органах исполнительной власти доля сменивших депутатскую должность на административную постепенно увеличивалась с 23% в 2003 г. до 45% к 2011 г.

Предварительный анализ данных позволяет сделать некоторые выводы:

1. Среди депутатов, которые не переизбрались в следующий состав, от созыва к созыву в большинстве случаев преобладают выходцы из бизнес-структур и административной системы.

2. При этом возвращаются они в своем большинстве обратно в сферу бизнеса.

3. В то же время часть элиты, которая рекрутировалась из административной системы от созыва к созыву, в случае непереизбрания уходит обратно в органы исполнительной власти. Существует значительная часть депутатов из этой группы, для которых позиция депутата была способом перехода с государственной службы в сферу бизнеса, но этот тезис требует дальнейшей проверки.

4. Для представителей армии и силовых ведомств характерен возврат на прежние позиции в своих ведомствах.

5. Для тех, кто перед избранием работал в системе здравоохранения, образования и науки, партиях, СМИ и общественных организациях, значимых тенденций пока не зафиксировано.

Подводя итог, можно сделать вывод, что достаточно высокая степень проницаемости каналов между политической элитой, бизнесом и административными структурами позволяет говорить о формировании некоторой смешанной модели, которая сочетает элементы американской и французской моделей переходов.

Также анализ данных позволяет предположить, что каналы горизонтальных переходов находятся на стадии институализации и стабилизации, как и каналы вертикальной мобильности.

Литература

1. Ашин Г. К. Формы рекрутирования политических элит // *Общественные науки и современность*. 1998. № 3. С. 85–96.
2. Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/IP_2006.pdf (дата обращения 15.01.15).
3. Наронская А. Г. Теоретико-методологические подходы к изучению «политической элиты» // *Politbok*. 2012. № 4. С. 87–95.
4. Дука А. В. Институализация политико-административной элиты Санкт-Петербурга // *Полиция*. 2003. № 2. С. 126–149.
5. Зотов А. А. Теория элит Парето: ее формирование и связь с современной элитологией // *Российские властные институты и элиты в трансформации*. СПб.: Интерсоцис, 2011. С. 8–29.
6. Элитология: энциклопедический словарь / под ред. П. Л. Карабущенко. М.: Экон-информ, 2013. 618 с.
7. Зоткин А.А. «Львы» и «Лисы» украинской политики. Киев.: Наукова думка, 2010. 341 с.
8. Ляховенко Я.И. «Принцип вращающихся дверей» и проблема взаимной проницаемости политических, научных и бизнес-элит в России. URL: http://schola.su/libs/SCHOLA_2012/SCHOLA_2012_p209-p214.pdf (дата обращения: 21.02.15).
9. Хартманн М. Модели образования элит в Европе // *Властные структуры и группы доминирования: материалы десятого Всероссийского семинара* / под ред. А. В. Дуки. СПб. 2012. С.10–39.
10. Гаман-Голутвина О. В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // *Политические исследования*. 2004. №2. С. 6–19.
11. Колесник Н. В. Консолидация российского общества: социальные возможности региональных элит // *Условия и возможности консолидации российского общества*. Сб. науч. трудов / отв. ред. А. В. Дука, И. И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 125–140.
12. Гельман В. Я. «Сообщество элит» и пределы демократизации: Нижегородская область // *Политические исследования*. 1999. № 1. С. 79–98.
13. Higley J., Pakulski J. Elite power games and democratic politics in Central and Eastern Europe // *Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe. Lessons for the Social Science* / ed. by M. Dobry. Boston: Kluwer Academic Publishers, 2000. P. 109–129.
14. Тев Д.Б. Региональная политико-административная элита: бассейн рекрутирования и консолидация // *Условия и возможности консолидации российского общества*. Сб. науч. трудов / отв. ред. А. В. Дука, И. И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 111–125.
15. Загородников А. Н. Демократия и элиты в России и мире в XXI веке: сравнительный анализ // *Демократия. Власть. Элиты: демократия vs элитократия*. Сб. статей / под ред. Я. А. Пляйса. М.: РОССПЭН, 2010. С. 57–68.
16. Дука А.В. Российские реалии и западная элитология: есть ли необходимость в рецепции (субъективные заметки) // *Элитология России: современное состояние и перспективы развития: материалы первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием*. Ростов н/Д: Южно-Российск. Ин-т филиала Российск. академии народного хозяйства и Гос. службы при Президенте Российской Федерации (ЮРИУ РАНХиГС), 2013. С.141–159.
17. Чирикова А.Е. Региональные элиты России. М.: Аспект-Пресс, 2010. 271 с.
18. Девятко И.Ф. Биографический метод в исследованиях. URL: http://www.antema.ru/library/metody_marketingovyh_issledovaniy/kachestvennyye_issledovaniya/devyatko_if_biograficheskij_metod_v_issledovaniyah/ (дата обращения: 28.01.15).
19. Паутов А.А., Вернигорова Т.П. Элита и элитогенез. М.: Моск. гос. Академия приборостроения и информатики (МГАПИ), 2000. 125 с.
20. Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шестопа, А.В. Селезневой. М.: РОССПЭН, 2011. 342 с.
21. Быстрова А. С., Дука А. В., Колесник Н. В., Невский А. В., Тев Д. Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // *Глобализация в российском обществе*. Сб. науч. трудов / отв. ред. И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–242.

22. Шендякова А. В. Качественный состав политической и административной элиты: проблемы консолидации // Сб. материалов научно-практической с международным участием конференции. Ростов н/Д; Южно-Российск, Ин-т филиала Российск. академии народного хозяйства и Гос. службы при Президенте Российской Федерации (ЮРИУ РАНХиГС), 2014. С. 764-769.

23. Шендякова А.В. Качественный состав «президентского резерва» // Россия и современный мир. 2011. № 3. С.61–68.

24. Шендякова А.В. Консолидация элит как фактор национальной безопасности // Политический анализ. 2011. № 11. С.162–170.

25. Шендякова А.В. Тенденции формирования федеральной политической и административной элиты // Политический анализ. 2009. № 9. С. 126–132.

References

1. Ashin G. K. Formy rekrutirovaniia politicheskikh elit [Recruiting forms of political elites]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1998, no. 3, pp. 85–96. (In Russian)

2. *Institutsional'naia politologiya: sovremennyi institutsionalizm i politicheskaiia transformatsiia Rossii* [Institutional political science: contemporary institutionalism and political transformation of Russia]. Ed by S. V. Patrusheva. Moscow, ISP RAN, 2006. (In Russian) Available at: http://www.isras.ru/files/File/Publication/IP_2006.pdf (accessed 15.01.15).

3. Naronkaia A. G. Teoretiko-metodologicheskie podkhody k izucheniiu «politicheskoi elity» [Theoretical and methodological approaches to the study of the "political elite"]. *Politbok* [Politbook], 2012, no. 4, pp. 87–95. (In Russian)

4. Duka A. V. Instutualizatsiia politiko-administrativnoi elity Sankt-Peterburga [Duka A. V. Institutionalizing the political and administrative elite of St. Petersburg]. *Politiia* [Politeia], 2003, no. 2, pp. 126–149. (In Russian)

5. Zotov A. A. Teoriia elit Pareto: ee formirovanie i sviaz' s sovremennoi elitologiei [Pareto's theory of elites: its formation and communication with modern elitology]. *Rossiiskie vlastnye instituty i elity v transformatsii* [Russian government institutions and elites in the transformation], St. Petersburg, Intersotsis Publ., 2011, pp. 8–29. (In Russian)

6. *Elitologiya: entsiklopedicheskii slovar'* [Elitology: Encyclopedic Dictionary]. Ed by P. L. Karabushchenko. Moscow, Ekon-inform Publ., 2013. 618 p. (In Russian)

7. Zotkin A. A. «L'vy» i «Lisy» ukrainskoi politiki [“Lions” and “Fox” of Ukrainian politics]. Kiev, Naukova dumka Publ., 2010. 341 p. (In Russian)

8. Liakhovenko Ia. I. «Printsip vrashchaiushchikhsia dverei» i problema vzaimnoi pronitsaemosti politicheskikh, nauchnykh i biznes-elit v Rossii [“The principle of the revolving door” and the problem of mutual permeability of political, scientific and business elites in Russia]. (In Russian) Available at: http://schola.su/libs/SCHOLA_2012/SCHOLA_2012_p209-p214.pdf (accessed 21.02.15).

9. Khartmann M. Modeli obrazovaniia elit v Evrope [Models of formation elite in Europe]. *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniia: materialy desiatogo Vserossiiskogo seminara* [Authorities and group dominance: Materials of the Tenth All-Russia seminar]. Ed. by A. V. Duki. St. Petersburg, 2012, pp. 10–39. (In Russian)

10. Gaman-Golutvina O. V. Regional'nye elity Rossii: personal'nyi sostav i tendentsii evoliutsii [Russian Regional Elites: the individual composition and trends of evolution]. *Politicheskie issledovaniia* [Political Studies], 2004, no. 2, pp. 6–19. (In Russian)

11. Kolesnik N. V. [Consolidation of Russian society: social opportunities of regional elites]. *Usloviia i vozmozhnosti konsolidatsii rossiiskogo obshchestva. Sb. nauch. trudov* [Consolidation Terms and possibilities of the Russian society. Coll. scientific works]. Eds A.V. Duka, I. I. Eliseeva. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2010, pp. 125–140. (In Russian)

12. Gel'man V. Ia. «Soobshchestvo elit» i predely demokratizatsii: Nizhegorodskaia oblast' [Elites and the limits of democratization: Nizhny Novgorod region]. *Politicheskie issledovaniia* [Political Studies]. 1999, no. 1, pp. 79–98. (In Russian)

13. Higley J., Pakulski J. Elite power games and democratic politics in Central and Eastern Europe. *Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe. Lessons for the Social Science*. Ed. by M. Dobry. Boston, Kluwer Academic Publishers, 2000, pp. 109–129.

14. Tev D. B. [Regional political and administrative elite: recruiting pool and consolidation]. *Usloviia i vozmozhnosti konsolidatsii rossiiskogo obshchestva. Sb. nauch. trudov* [Terms and possibilities consolidation of the Russian society. Collection of scientific papers]. Eds A. V. Duka, I. I. Eliseeva. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2010, pp. 111–125. (In Russian)

15. Zagorodnikov A. N. *Demokratiia i elity v Rossii i mire v XXI veke: sravnitel'nyi analiz* [Democracy and elites in Russia and in the world in the XXI century: a comparative analysis]. *Demokratiia. Vlast'. Elity: demokratiia vs elitokratiia. Sb. statei* [Democracy. Power. Elite democracy vs elitokratiya. Collection of articles]. Ed. by Ia. A. Pliais. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 57–68. (In Russian)
16. Duka A. V. [Russian realities and Western elitology: Is there a need for reception (subjective notes)]. *Elitologiya Rossii: sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia: materialy pervogo Vserossiiskogo elitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem* [Russian Elitology: current state and prospects of development: materials of the first All-Russian Elitology Congress with international participation]. Rostov n/D., Iuzhno-Rossiisk. In-t filiala Rossiisk. akademii narodnogo khoziaistva i Gos. sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii (IuRIU RANKhiGS), 2013, pp. 141–159. (In Russian)
17. Chirikova A. E. *Regional'nye elity Rossii* [Russian regional elites]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2010. 271 p. (In Russian)
18. Deviatko I. F. *Biograficheskii metod v issledovaniiah* [Biographical method in researches]. (In Russian) Available at: http://www.antema.ru/library/metody_marketingovyh_issledovaniy/kachestvennye_issledovaniya/devyatko_if_biograficheskij_metod_v_issledovaniyah/ (accessed 28.01.15).
19. Pautov A. A., Vernigorova T. P. *Elita i elitogenez* [Elite and the genesis of the elites]. Moscow, Mosk. gos. Akademiia priborostroeniia i informatiki (MGAPI), 2000. 125 p. (In Russian)
20. *Chelovecheskii kapital rossiiskikh politicheskikh elit. Politiko-psikhologicheskii analiz* [The human capital of the Russian political elite. Political and psychological analysis]. Eds E. B. Shestopal, A. V. Seleznevoi. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 342 p. (In Russian)
21. Bystrova A. S., Duka A. V., Kolesnik N. V., Nevskii A. V., Tev D. B. [Russian regional elite: the innovative potential in the context of globalization]. *Globalizatsiia v rossiiskom obshchestve. Sb. nauch. trudov* [Globalization in Russian society. Collection of scientific papers]. Ed. by I. I. Eliseeva. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2008, pp. 99–242. (In Russian)
22. Shentiaikova A. V. [Qualitative composition of the political and administrative elite: issues of consolidation]. *Sb. materialov nauchno-prakticheskoi s mezhdunarodnym uchastiem konferentsii* [Collection of materials of scientific-practical conference with international participation], Rostov n/D., Iuzhno-Rossiisk. In-t filiala Rossiisk. akademii narodnogo khoziaistva i Gos. sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii (IuRIU RANKhiGS), 2014, pp. 764–769. (In Russian)
23. Shentiaikova A. V. *Kachestvennyi sostav «prezidentskogo rezerva»* [The qualitative composition of "presidential reserve"]. *Rossiiia i sovremennyi mir* [Russia and the Modern World], 2011, no. 3, pp. 61–68. (In Russian)
24. Shentiaikova A. V. *Konsolidatsiia elit kak faktor natsional'noi bezopasnosti* [The consolidation of the elites as a factor of national security]. *Politicheskii analiz* [Political Analysis], 2011, no. 11, pp. 162–170. (In Russian)
25. Shentiaikova A. V. *Tendentsii formirovaniia federal'noi politicheskoi i administrativnoi elity* [Trends in the formation of federal political and administrative elite]. *Politicheskii analiz* [Political Analysis], 2009, no. 9, pp. 126–132. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 25 марта 2015 г.